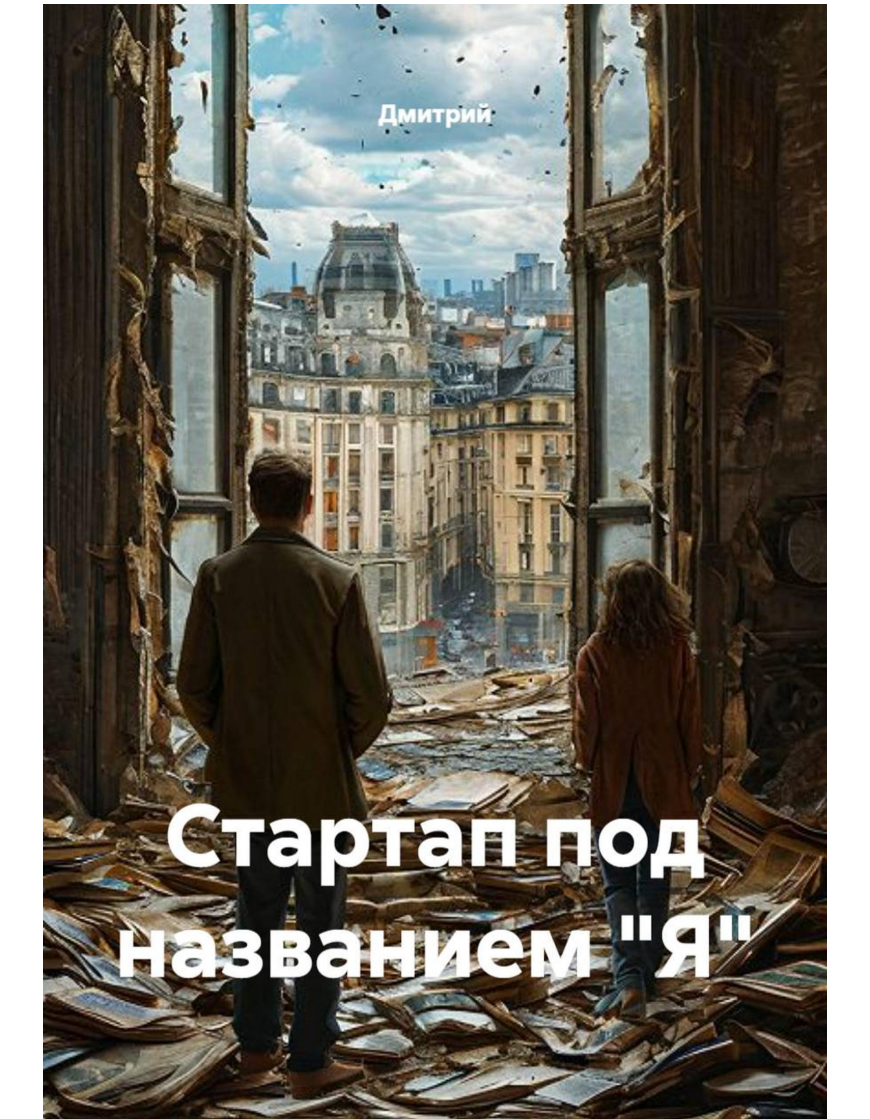

A man and a woman are seen from behind, standing in a room that has been completely destroyed. The floor is covered in a thick layer of rubble, including broken wood, plaster, and debris. The walls are crumbling, and the large windows are shattered, with glass shards still embedded in the frames. Through the broken windows, a cityscape is visible under a cloudy sky. The central focus of the city view is a large, ornate building with a prominent dome, surrounded by other urban structures. The overall atmosphere is one of desolation and the aftermath of a disaster.

Дмитрий

Стартап под названием "Я"

Дмитрий Дмитрий

Стартап под названием "Я"

<https://litres.ru/74363888>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда рушится бизнес, кажется, что мир сужается до размеров кредитных долгов. Когда рушится семья — ты остаешься один в пустой квартире, где еще вчера звучал детский смех. Я прошел через это одновременно. В 30 с небольшим я потерял всё: деньги, статус, первую семью и веру в себя.

Но именно на дне я встретил ту, которая посмотрела на меня не как на банкрота, а как на человека, которому просто нужен второй шанс. Эта книга — откровенный дневник мужчины, который собрал себя по кусочкам. Как из пепла развода и финансового коллапса родился новый бизнес, новая любовь и новый я. Это не история успеха лайфхакера. Это история воскрешения.

Дмитрий

Стартап под названием "Я"

Глава 1

Глава 1. «Зима, которая длилась год»

(2014. Свадьба. Начало конца)

Мне было чуть больше двадцати. В том возрасте кажется, что жизнь — это прямая дорога, а все препятствия — просто пыль на обочине. Мы играли свадьбу в 2014-м. Она была в белом платье, немного неловкая от беременности, которая уже начала округлять живот. Я смотрел на неё и верил: у нас всё получится. У меня есть работа, стабильная зарплата, пусть и небольшая. Главное — стабильность. Я тогда ещё не знал, что стабильность в нашей жизни будет означать только одно: **стабильные проблемы**.

Мы снимали квартиру. Маленькую, с вечно текущим краном на кухне и батареями, которые грели только когда во дворе трещал мороз. Она хотела уюта, я хотел тишины. А вместо этого у нас были счета, съемные метры и моя работа, которая требовала одного: **ехать**.

Командировки

Я работал в найме. Выездной специалист. Месяцами пропадал на объектах в других городах. Грязь, бетон, дешевые гостиницы с казенными простынями. Я приезжал домой на выходные, а иногда — раз в две недели. Зарплата была небольшой, но регулярной. Мы могли планировать бюджет, покупать продукты, откладывать по чуть-чуть на детскую коляску. Но в этой схеме был один фатальный изъян — **ревность**.

Каждый мой звонок из командировки заканчивался допросом:— *«Где ты? С кем? Почему не скинул геолокацию? А почему в трубке женский голос?»* Это был голос администратора гостиницы. Но она слышала только угрозу. Она жила с родителями в моё отсутствие, и я не винил её — сама беременная, в пустой квартире сидеть страшно. Но вместо того, чтобы быть ей опорой, я превратился в должника, который постоянно отчитывается.

Самый страшный звук в моей жизни— это звук открывающейся двери моей пустой квартиры, когда я возвращался из командировки. Тишина. Холодный чайник. Немытая кружка. Запах чужой жизни, которая проходила здесь без меня. Я скидывал рюкзак, ложился на диван и смотрел в потолок. Это было не гнездо. Это был транзитный пункт. Я чувствовал себя командировочным даже в собственном доме.

Третий лишний — родители

Если я был «внешним врагом», то моими «внутренними врагами» стали её родители. Они лезли во всё. В наши финансы, в наши планы, в наши ссоры. Мы не могли решить, куда повесить полку, чтобы это не стало темой для семейного совета на их кухне.

А потом начались деньги.

Однажды она сказала мне, спокойно, как о чём-то обыденном:— *«Я взяла кредит. Родителям нужно было на ремонт. Они отдадут».*

Я онемел. Мы сами едва сводили концы с концами, у нас рос ребенок, а она брала на себя обязательства на годы вперед. Я кричал. Она плакала. Её родители пожимали плечами: *«Ну, бывает, отдадим позже».*

Они не отдали ни копейки.

Это был первый кирпич в стене, которая рухнула на нас позже. Мы платили за чужой ремонт, за чужой комфорт. Наши доходы таяли, как снег в апреле. Начались кредиты, чтобы закрывать кредиты. Это колесо сансары, в которое я попал, не успев даже понять, как за меня сделали этот выбор.

Финал спектакля с машиной

Самый низкий момент — история с автомобилем.

У её родителей было пятеро детей. Машина была нужна как воздух. И мои родители, люди добрые и по-деревенски доверчивые, решили помочь. Купили им авто. Не старье, а нормальное, на ходу. Условие было простым: *«Мы помогаем вам, вы платите нам понемногу, когда сможете»*. Это был жест доверия. Семья ведь.

Они «кинули» моих родителей. Как по нотам.

Я не помню, как выглядело лицо моего отца, когда он узнал об этом. По телефону он сказал коротко: *«Ну, значит, так. Забирай машину»*.

И я забрал. Представляешь? Я, зять, пришел и забрал машину у родителей своей жены. Скандал был такой, что, наверное, слышала вся улица. Она кричала на меня, что я «уничтожил её семью». Я кричал, что они уничтожили мою — влезли в долги, в наши отношения, в мой сон.

Мы разбились вдребезги в тот день. Хотя всё ещё жили в одной квартире.

Февраль 2015

В этом аду, в этом скрежете кредитов, взаимных обвинений и пустых холодильников — **она родила Сына.**

Я держал его на руках в роддоме. Он был такой маленький, такой чужой и такой родной одновременно. Его ладошка не могла обхватить даже мой палец. Я смотрел на него и думал: *«Прости меня. За то, что ты родился не в мир, а в этот долбаный хаос»*. Жена смотрела на меня с усталостью. Я смотрел на неё с пустотой. Ребенок был между нами, как перемирие. Но мы оба знали: это перемирие продлится недолго.

Жена смотрела на меня с усталостью. Я смотрел на неё с пустотой. Ребенок был между нами, как перемирие. Но мы оба знали: это перемирие продлится недолго.

Встреча у роддома была первой трещиной. Я приехал забрать их, мы собирались поехать к моим родителям — показать внука, порадоваться. Но жена уже тогда, в машине, сидела с каменным лицом. Она не хотела ехать. Она сказала, что «устала» и что «ей комфортнее у своих». Я настоял, мы поехали. Мои родители ждали накрытый стол, волновались. Когда мы вошли, мама протянула руки к внуку, но жена инстинктивно прижала его к себе, как будто боялась, что его отнимут. Я видел, как потухли глаза моей матери. Она убрала руки и сказала: *«Ничего, пусть привыкнет»*.

Это был не просто жест недоверия. Это было начало войны за ребенка. Она не доверяла моим родителям категорически. Якобы они «не умеют обращаться с младенцами», «слишком старые», «у них грязно». Я пытался спорить, но натыкался на стену. Она редко соглашалась ездить к ним в гости, а если и приезжала — сидела с сыном на руках, не отпуская его ни на секунду. Мои родители страдали в тишине. Они не видели внука месяцами. А я чувствовал себя предателем — и перед ними, и перед ней. Между двух огней.

Быт начал нас съедать окончательно. Она уехала жить к своим родителям — «так спокойнее», сказала она. Я возвращался из командировок в пустую квартиру, где уже не пахло ей, не пахло жизнью. Чтобы увидеть сына, я должен был ехать к её родителям. И каждый раз — это было испытание. Чужие стены, их вездесущие советы, их косые взгляды. Я был там гостем, а не мужем и отцом.

Ревность стала просто безумной. Она звонила мне по десять раз за смену, проверяла, где я, требовала фото, видеоотчёты. Если я не отвечал пять минут — начинался скандал по телефону. Я прятался в туалете гостиницы, чтобы просто перевести дыхание. **Секс исчез.** Сначала редко, потом совсем. Она ссылалась на усталость, на ребенка, на «не те условия». Но я видел, что дело не в условиях. Она просто перестала видеть во мне мужчину. Я стал для неё источником денег, проблем и раздражения.

Я пытался поговорить. По-человечески. Говорил, что так

жить нельзя, что нам нужно снова быть вместе, строить семью, а не существовать параллельно. Она отвечала: *«Ты ничего не понимаешь. Ты постоянно в командировках. Ты бросил меня с ребёнком»*. Я не мог объяснить ей, что я вкалываю на этой дурацкой работе, чтобы она могла не работать, чтобы у нас были деньги на еду, памперсы, аренду. Она не слышала.

Июнь 2015 года. Мы поссорились в очередной раз — уже не помню из-за чего. Наверное, из-за моих родителей, или из-за денег, или из-за того, что я приехал на выходные, а она устроила мне скандал, потому что я не купил ей духи. Я собирал вещи в съёмной квартире. Руки тряслись. Я устал так, как никогда в жизни. Устал от криков, от допросов, от того, что мой сын растёт без отца — но я рядом, я же здесь! Я устал быть врагом для собственной жены.

Я закинул рюкзак в машину. Посмотрел на эту квартиру — наши обои, наша мебель, наша разбитая жизнь. И сказал себе: *«Я больше не могу»*. Я уехал. Не к родителям, а просто — в никуда. Сдал эту квартиру. Мы разошлись в первый раз.

Я не знал, что будет дальше. Знаю только одно: когда я захлопнул дверь машины, я впервые за два года выдохнул. Не от счастья. От облегчения, что этот бесконечный шум в голове прекратился. Но в груди была пустота. Холодная, липкая пустота. Мой сын спал в это время у своих бабушки с дедушкой. Он не знал, что его отец только что сбежал из собственной семьи.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.